

— Тётя, куда мы едем? — спросила она. Ей тогда было всего шесть лет.

— К твоему отцу, — бесстрастно ответила женщина.

— Почему он не приехал за мной сам? — холодно поинтересовалась девочка.

— Он умер.

Она холодно посмотрела на женщину и едва заметно усмехнулась.

— Не смей так на меня смотреть, слышишь! Я тебе говорю, не смей! Еще раз так посмотришь — я вырву тебе глаза! — Женщина в исступлении затрясла её маленькое, хрупкое тельце.

Девочка продолжала улыбаться.

— Ты понимаешь?! — Женщина впиалась пальцами ей в плечи, сжимая зубы от ярости. — Ты вообще знаешь, что значит умереть?

Девочка молчала. Только её глаза стали холодными, как лед.

— Я тебе скажу: смерть — это значит, что мы больше никогда не увидимся, нигде и никогда! Ты больше никогда не увидишь своего отца! — Голос женщины, низкий и хриплый, звучал так, будто она была готова растерзать ребенка на куски.

Затем женщина разразилась смехом. Это был безумный, истеричный хохот, словно она сорвала джекпот в лотерею. Девочка оставалась бесстрастной.

Женщина торжествующе смотрела на неё, и в её глазах, полных ледяной злобы, читалась ненависть:

— С того самого дня, как я тебя увидела, ты мне не нравилась. Особенно твой взгляд. Наверное, это судьба, что ты стала камнем преткновения в моей жизни! — Она наклонилась к самому уху девочки и, слегка подув на него, добавила: — Поэтому... я тебя уничтожу.

Уголки губ девочки снова дрогнули в той же злой, равнодушной усмешке. Эта улыбка была пугающей, словно у дьявола. Она мерцала странным синим светом, подобно призрачному сиянию цветка в звенящей тишине обсточенного дома. Женщина отпрянула, охваченная паникой, будто увидела привидение.

Девочка медленно протянула руку и коснулась лица женщины. Та застыла на месте, словно превратившись в ледяную статую. А потом девочка, продолжая улыбаться, вонзила ногти в её щеку — быстро и беспощадно.

Крик женщины эхом разнесся по всему дому. Огромный особняк походил на гроб, который с

нетерпением ждал своих обитателей — здесь люди рождались, здесь же им суждено было умереть.

Женщина влепила девочке пощечину, и та рухнула на пол. Последовали удары, удары ремнем, каблуками...

Город, погрязший в упадке. Величественный сад. Дом, полный людей с дурными намерениями. И ребенок, похожий на призрака.

Её приемный отец, Фудзики Хиро, проезжая мимо приюта, словно был чем-то заморожен, какая-то неведомая сила потянула его внутрь. Он увидел молодую воспитательницу в скромной одежде, которая терпеливо учила детей играть. На лицах ребят читалась смесь неуверенности в себе и простого, будничного счастья. И только она — одна, в стороне от всех — яростно копалась пальцами в земле. Хиро подошел ближе. Она не поднимала головы, продолжая усердно рыть, будто от того, успеет ли она, зависела судьба мира.

Он решил, что она закопала какое-то сокровище, и с улыбкой произнес:

— Малышка, тебе стоит взять инструмент, иначе испачкаешь ногти.

Она не ответила, не подняла головы. На лбу выступили капельки пота. Он заметил, что её ногти уже начали кровоточить. Хиро встревожился и хотел позвать воспитательницу, но она опередила его.

— Не зови её, — голос девочки был холодным и твердым. Она открыла ржавую жестяную коробку, в которой лежали бежевые коконы.

Она начала закапывать их в землю, и её лицо озарилось странным восторгом. Она убивала их на пороге красоты, не дожидаясь, пока они вылупятся.

— Так они обретут вечную жизнь... — прошептала она.

Хиро не понимал слов ребенка. Может, она просто бредит?

— Никакой красоты... вечный сон в своем собственном мире... как же это прекрасно... — продолжала она.

Больше она ничего не сказала. Она смотрела на разровненную землю, похожую на пятно лишая, и улыбалась — неподвижно и возбужденно. Эта улыбка была подобна пролитой ртути: яркая, но пугающая.

Хиро молча достал темно-синий клетчатый платок, взял её грязную руку и принялся осторожно вытирать кровь с ногтей. Делал он это так бережно, словно боялся разбить её

вдребезги.

Она подняла на него взгляд. Ему было чуть за тридцать, он был красив, успешен и происходил из знатного рода.

Он забрал её домой. Роскошная вилла, великолепный сад. Он дал ей имя — Фудзики Дзюн. С того дня этот тридцатилетний холостяк стал её отцом.

Она в одночасье превратилась в богатую наследницу.

В приюте она была изгоем: не умела заискивать перед воспитателями, не вызывала симпатии. Люди, приходившие за детьми, сторонились её молчаливости и холодного взгляда — им нужны были здоровые, живые, нормальные дети.

Газеты пестрели заголовками с её фотографиями. Самый молодой президент корпорации Фудзики усыновил сироту...

Она прекрасно понимала, что всего лишь инструмент для укрепления его репутации и популярности. Она приняла это, потому что ей было всё равно, где находиться. У неё никогда не было комплекса брошенного ребенка или обиды на мир. В глубине её глаз всегда светилося холодное, отрешенное спокойствие. Казалось, этот взгляд был с ней с самого рождения.

Она решила, что в семь лет завернется в белоснежное одеяло, подобно бабочке, умирающей в самом теплом коконе. Она не хотела, чтобы её тело терзали мухи и черви, она хотела уйти чистой. Выбрала цифру семь просто потому, что она ей нравилась.

Хиро устроил в её честь грандиозный прием. Она не называла его отцом, только Хиро. Он с гордостью хвастался гостям своей красивой дочерью. И в тот вечер она действительно была настоящей принцессой.

Хиро представил её своим родственникам — младшему брату Фудзики Мину. Тот был полной противоположностью брата: обычный мелкий служащий, ничем не примечательный человек. Она назвала его дядей, а женщину рядом — тетей. Тон её был равнодушным, и женщина невзлюбила её с первого взгляда.

Мальчик, ровесник Дзюн, прятаясь за спиной матери, робко поглядывал на неё. Она не обратила на него внимания и ушла к себе в комнату.

Комната была типичной девичьей: розовые тона, куклы, игрушки, сказки и белая «принцессина» кровать. Это белоснежное лебяжье одеяло вполне могло стать её коконом.

Она взяла книгу сказок — Белоснежку. Вырвала страницы в твердом переплете и начала жечь их одну за другой. В мире нет принцесс, и она — не одна из них.

Дверь приоткрылась, вошел тот самый мальчик. Она была недовольна — она ненавидела, когда её беспокоят.

— Сестренка... поиграешь со мной? — робко спросил он.

Она проигнорировала его. Языки пламени заставляли её нервы трепетать.

— Ой! Сестренка, зачем ты здесь разводишь огонь? Такая красивая книга, почему ты её жжешь?! Сестренка?! — закричал он.

Она с раздражением отшвырнула книгу, затоптала огонь, легла на кровать и закрыла глаза.

Мальчик заплакал оттого, что она не обращала на него внимания.

— Молодой господин Хо, госпожа вас зовет, — дворецкий увел плачущего ребенка вниз.

А она уже спала.

<http://bllate.org/book/20764/2083550>